

ИРИНА МОНАХОВА

ГЛУБОКОЕ, ТАИНСТВЕННОЕ, НЕУЛОВИМОЕ

Полемика В. Г. Белинского и К. С. Аксакова о “Мёртвых душах”

В 1842 году были опубликованы “Мёртвые души” Н. В. Гоголя. Произошедший в том же году печатный обмен мнениями по поводу этой книги между В. Г. Белинским и К. С. Аксаковым стал одним из самых ярких эпизодов полемики между западниками и славянофилами, хотя содержание этой литературной дискуссии явно выходило за рамки идеологического спора этих двух “партий”. Слишком масштабен и важен в художественном плане был сам по себе предмет спора – недавно вышедшая в свет гоголевская поэма.

В брошюре “Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или Мёртвые души” Константин Аксаков высказал такое мнение: “В поэме Гоголя является нам тот древний, гомеровский эпос. <...> В поэме Гоголя явления идут одни за другими, спокойно сменяя друг друга, объемлемые великим эпическим созерцанием, открывающим целый мир, стройно предстающий со своим внутренним содержанием и единством, со своею тайною жизнью”¹.

В письме осенью 1842 года Константин Аксаков сообщал Н. В. Гоголю: “Открылась для меня внутренняя гармония всего создания, стали в одно целое все малейшие черты, понятна стала глубочайшая связь всего между собою, основанная не на внешней анекдотической завязке (отсутствие которой смущает с первого разу), но на внутреннем единстве жизни. <...> Когда стал я говорить о “Мёртвых душах”, то нашёл согласным с собой Хомякова и Самарина. “Это древний эпос с его великим созерцанием, разумеется, современный и свободный в наше время, – но это он”, – услышал от меня Павлов, и вдруг то же услышал <я> от Хомякова”².

С. Т. Аксаков под влиянием сына также считал его мнение “истинной точкой” и в письме Н. В. Гоголю от 3 июля 1842 года отмечал: “Я не допустил бы Константина печатать восторженный вздор; напротив, эта статья указывает истинную точку, с которой надобно смотреть на ваше творение, и открывает причины, почему красоты его не вдруг могут быть доступны испорченному эстетическому чувству большей части людей”³.

Однако славянофильский журнал “Москвитянин” статью К. С. Аксакова о “Мёртвых душах” печатать отказался, а когда Константин Сергеевич выпустил её в виде отдельного издания, он встретился в основном с неприятием своей точки зрения, что и вынужден был признать в письме Н. В. Гоголю осенью 1842 года: “Брошюрка была написана скоро; может быть, неясно, – и на неё многие, почти все, напали, искажая сказанные в ней мысли”⁴, и в письме

Ю. Ф. Самарину в августе 1842 года: “Я узнал, что Кетчер (след<овательно> и Гранов<ский> и др.) против меня и даже согласен с статьёй Белин<ского>”⁵.

Белинский в “Отечественных записках” отрицательно отозвался об этой аксаковской трактовке как о “недоконченной мечте” в статье “Несколько слов о поэме Гоголя “Похождения Чичикова или Мёртвые души” и пояснил: “В “Илиаде” жизнь возведена на апофеоз: в “Мёртвых душах” она разлагается и отрицается; пафос “Илиады” есть блаженное упоение, приистекающее от созерцания дивно божественного зрелища: пафос “Мёртвых душ” есть юмор, созерцающий жизнь сквозь видный миру смех и незримые, неведомые ему слёзы”⁶.

Продолжая полемику, Константин Аксаков в ответ на эту рецензию Белинского написал “Объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мёртвые души” и напечатал его в журнале “Москвитянин”. Стремясь доказать свою правоту, Аксаков подчёркивал, что его слова неправильно поняли, неверно интерпретировали, отметив при этом своё негативное отношение к “куче петербургских журналов”. В ответ на это его выступление Белинский опубликовал в “Отечественных записках” уже более обстоятельную статью под названием “Объяснение на объяснение по поводу поэмы Гоголя “Мёртвые души”. Здесь он не только обрушился с критикой, местами довольно резкой, на Аксакова (“Брошюра г. Константина Аксакова вся состоит из сухих, абстрактных построений, лишённых всякой жизненности, чуждых всякого непосредственного созерцания, <...> поэтому в ней нет ни одной яркой мысли, ни одного тёплого задушевного слова. <...> Это умозрения, спекулятивные построения, гегелевская философия – на замоскворецкий лад”⁷), но и изложил ряд важных тезисов о художественном своеобразии “Мёртвых душ”.

С этой точки зрения, данная полемика привела к весьма ценному результату. Да и сам Белинский подчеркнул, что решил продолжить спор только “ради важности предмета”. Отмечая, что, “сбившись с прямого пути названием поэмы, <...> г. Константин Аксаков готов находить прекрасными людьми всех изображённых в ней героев. <...> Это значит понять поэму Гоголя совершенно навыворот”⁸, Белинский указывает: “Илиаду” может напомнить собою только такая поэма, содержанием которой служит субстанциальная стихия национальной жизни, со всем богатством её внутреннего содержания, в которой эта жизнь полагается, а не отрицается”⁹; “Субстанция народа может быть предметом поэмы только в своём разумном определении, когда она есть нечто положительное и действительное, а не гадательное и предположительное, когда она есть уже прошедшее и настоящее, а не будущее только”¹⁰. “Пафос поэмы, – пишет Белинский, – состоит в противоречии общественных форм русской жизни с её глубоким субстанциальным началом, доселе ещё таинственным, доселе ещё не открывшимся собственному сознанию и неуловимым ни для какого определения”¹¹.

Интересно, что и сам Гоголь отрицательно высказался об аксаковской трактовке “Мёртвых душ”. “Горе тому, кто объявляет какую-нибудь замечательную мысль, если эта мысль – ещё ребенок, не вызрела и не получила образа, видного всем”¹², – писал он в марте 1843 года С. Т. Аксакову, который, в свою очередь, признал в письме Гоголю в феврале того же года: “Я боюсь, что вы недовольны или досадуете за брошюрку Константина. <...> Я сам знаю, что это ошибка, и немаловажная: с его стороны – написать, а с моей – позволить печатать”¹³.

Правда, в то же время, когда велась эта полемика, Белинский в письме В. П. Боткину от 9–10 декабря 1842 года упоминает об идее Константина Аксакова не в таком прямо полемическом духе, как в статьях, а как бы пытаясь найти ей место в своём мировоззрении, но, конечно, совсем не такое, как задумывал её автор. И вот он нашёл её место, хотя и в ироническом смысле, – в контексте своих довольно грустных размышлений о российской действительности, связанных со смертью его друга поэта А. В. Кольцова: “Страдалец был этот человек – я теперь только понял его. Мне смешно, горько смешно вспомнить, как презывал я его в Питер, как спорил против его возражений. К<ольцов> знал действительность. Торговля в его глазах была синоним мошенничества и подлости. <...> Одна мысль о начатии нового поприща унижения, пролазничества, плутней приводила его в ужас – она-то и усахарила его. <...> Я понимаю, почему на святой Руси для денег редкий, кто не продаст жены, детей, совести, чести, будущего спасения души, счастья и покоя ближнего и пр. Чичиков действительно Ахилл русской “Илиады”¹⁴.

Помимо аксаковской идеи о “Мёртвых душах” как о возвращении древнего гомеровского эпоса, полемика касалась и другого, связанного с нею вопроса – о мировом значении гоголевского творчества. Аксаков поставил Гоголя на самую вершину мирового поэтического Олимпа (в соседстве лишь с Гомером и Шекспиром), придавая ему мировое значение, правда, с оговоркой – в отношении акта творчества: “У кого встретим мы такую полноту, такую конкретность создания? <...> Очень у немногих: только у Гомера и Шекспира встречаем мы то же; только Гомер, Шекспир и Гоголь обладают этою тайною искусства. <...> Гоголь не сделал того теперь, <...> что сделали Гомер и Шекспир, и потому, в отношении к объёму творческой деятельности, к содержанию её, мы не говорим, что Гоголь то же самое, что Гомер и Шекспир; но в отношении к акту творчества, в отношении к полноте самого создания – Гомера и Шекспира, и только Гомера и Шекспира ставим мы рядом с Гоголем”¹⁵.

Отчасти уже в самом этом тезисе заключается противоречие: упорное отождествление “Мёртвых душ” с древним гомеровским эпосом поневоле наводит на мысль об их вторичности. Совместима ли вообще такая вторичность, вытекающая из идеи Аксакова, с его же утверждением о принадлежности этого произведения к самым высоким вершинам поэзии?

Белинский же утверждал, что Гоголь, являясь великим поэтом, имеющим огромное значение для России, вряд ли найдёт такое же понимание за её пределами: “Гоголь – великий русский поэт, не более; “Мёртвые души” его – тоже только для России и в России могут иметь бесконечно великое значение. Такова пока судьба всех русских поэтов; такова судьба и Пушкина. Никто не может быть выше века и страны; никакой поэт не усвоит себе содержания, не приготовленного и не выработанного историей. Немногое, слишком немногое из произведений Пушкина может быть передано на иностранные языки, не утратив с формою своего субстанциального достоинства; но из Гоголя едва ли что-нибудь может быть передано. <...> Чем выше достоинство Гоголя как поэта, тем важнее его значение для русского общества и тем менее может он иметь какое-либо значение вне России. Но это-то самое и составляет его важность, его глубокое значение и его – скажем смело – колоссальное величие для нас, русских. Тут нечего и упоминать о Гомере и Шекспире, нечего и путать чужих в свои семейные тайны. “Мёртвые души” стоят “Илиады”, но только для России: для всех же других стран их значение мертво и непонятно”¹⁶; “Мы первые признаём “Мёртвые души” Гоголя великим по самому себе произведением в мире искусства, для иностранцев лишённым всякого общего содержания, но для нас тем более важным и драгоценным”¹⁷.

Здесь важно отметить мысль Белинского о непереводаемости Гоголя. Действительно, сила гоголевских произведений, – прежде всего, в непосредственной, органической связи с “почвой”: русской культурой, языком, человеком, живущим рядом с ним на этой земле. Но то же самое и осложняет их восприятие в переводе и в чужой культуре. Особенная пластичность, живописность, острота и живость гоголевского стиля, высокая поэзия его прозы уже сами по себе, даже помимо сюжета, захватывают читателя, не говоря уже о тонком понимании жизненных реалий русской действительности, – все эти свойства, создающие особенный мир гоголевской прозы, во многом непереводимы. С этим обстоятельством связан и тезис Белинского о том, что значение Гоголя за пределами русской культуры невелико, – прежде всего, из-за его по большей части непереводаемости. И в этом ключ к пониманию позиции Белинского по данному вопросу, которая, на первый взгляд, может показаться более далёкой от истины, чем точка зрения Аксакова, ставившего Гоголя в один ряд только с Гомером и Шекспиром. Однако здесь не всё так однозначно и прямолинейно, учитывая дальнейшее со времён Белинского развитие литературы.

Сегодня сочинения Гоголя переведены на многие языки, их читают и изучают во многих странах мира. Гоголь среди наиболее известных русских классиков, его творчество оказало влияние не только на русских, но и на некоторых зарубежных писателей. Но разве это отменяет тезис Белинского о *большей частью непереводаемости* гоголевских творений? Неслучайно всё-таки корифеями, так сказать, мировой популярности среди классиков русской литературы являются Толстой и Достоевский, о которых как раз не скажешь, что они “непереводимы”, и чей путь к мировому читателю по этой причине гораздо легче и проще. Известность Гоголя (как и Пушкина) в мире ещё

не означает его понимания зарубежным читателем во всём масштабе его творчества, как это доступно читателям, находящимся в контексте русской культуры. Таким образом, Белинский как бы предвидел появление в дальнейшем в русской литературе таких писателей, которые станут властителями дум не только соотечественников, но и иностранной публики. И по сравнению с ними он и оценивал мировое значение Гоголя, которое, в частности, зависит от возможности понимания и восприятия его творчества за пределами русской культуры.

Ещё один довод Белинского — в произведениях Гоголя нет того положительного содержания, которое должно прежде выработаться в жизни, а потом уже может появиться в искусстве и быть показано миру, поэтому их значение, великое для России, невелико и неясно для мира. Впрочем, с этим доводом Аксаков и не спорил, подчёркивая мировое величие Гоголя (на уровне Гомера и Шекспира) только в одном отношении — в акте творчества. Таким образом, Аксаков, поставив вопрос о мировом значении гоголевского творчества, оставил его не вполне ясным, недоговоренным. Ведь если, по Аксакову, Гоголь так велик только в акте творчества, а не в его содержании, то какой интерес может в мировом масштабе представлять сам по себе этот абстрактный “акт творчества”?

Как представляется, вопрос о мировом значении Гоголя столь сложен и значителен, что он не мог быть решён и подробно рассмотрен в такой полемике. Для этого Белинскому понадобилось бы специальное подробное исследование его творчества, подобное циклу статей о Пушкине, которое он и предполагал написать в будущем (и упоминал об этом своём намерении в печати), но план этот осуществить не успел. Вероятно, такое масштабное исследование произведений Гоголя сделало бы мнение Белинского о его мировом значении более сложным и не столь категоричным и однозначным (например, сам Гоголь указывал на положительное начало в комедии “Ревизор”, которым является смех — “одно честное благородное лицо”, действующее во всём продолжении пьесы¹⁸). Разговор же в рамках полемики располагал к особенной заостренности и категоричности формулировок.

ПРИМЕЧАНИЯ

¹ К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981. С. 143–144.

² Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 35.

³ Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 24.

⁴ Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 36.

⁵ Литературное наследство. Т. 56. М., 1950. С. 167.

⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1955. С. 255.

⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1955. С. 412, 416.

⁸ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 430.

⁹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 430.

¹⁰ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 420.

¹¹ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. VI. М., 1955. С. 430–431.

¹² Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 45.

¹³ Переписка Н. В. Гоголя. М., 1988. Т. 2. С. 43.

¹⁴ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. Т. XII. М., 1956. С. 123.

¹⁵ К. С. Аксаков, И. С. Аксаков. Литературная критика. М., 1981. С. 148.

¹⁶ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 259.

¹⁷ В. Г. Белинский. Полн. собр. соч. М., 1955. Т. VI. С. 420.

¹⁸ Н. В. Гоголь. Театральный разъезд после представления новой комедии. // Н. В. Гоголь. Собр. соч. Т. 4. М., 1984. С. 257.